Вадим Вацуро
о Лермонтове

SHOUT
SHARE
IT

- Из писем редакторам и авторам «Лермонтовской энциклопедии»
  - ○
- notes
  - ○ 1

Из писем редакторам и авторам «Лермонтовской энциклопедии»

Н. И. Безбородько

27. I II.1966

Глубокоуважаемая Нина Ивановна!

Все Ваши материалы находятся у меня, т. е. вернее, в архиве Энциклопедии. Когда я их получил, я не мог Вам еще ответить ничего определенного — не о них, собственно, конечно, а об энциклопедических делах: они находились в том же состоянии, что и ранее. Только теперь, получив Ваше напоминанием представил себе всю меру моей невежливости и должен — с таким опозданием — просить у Вас извинения. Все, что Вы прислали, конечно, будет использовано — с большей или меньшей степенью редакторской правки; все это будет соответствующим образом с Вами согласовано. Сейчас дела Энциклопедии в следующем состоянии: приезжал из Москвы В. В. Жданов, который как бы курирует Энциклопедию в издательстве; он сказал нам, что издание реально, но не сию секунду: они заняты сейчас выпуском очередных томов КЛЭ и, если мы положим теперь на стол рукопись Лермонтовской энциклопедии, они не будут знать, что с ней делать: у них нет еще для нее ни штата работников, ни бумаги. По нашим расчетам, при нынешнем состоянии рукописи и с учетом необходимости редактуры и даже написания статей (ведь все это пока идет на общественных началах), нам потребуется еще два года для доведения ее до кондиций. К этому времени издательство освободится от своих забот по подготовке КЛЭ и будет вполне готово к приему нашей общей работы. К сожалению, они не могут дать *письменных* гарантий; однако мы все были к этому готовы.

Если эти известия (не неожиданные, впрочем; отрадно, что издательство очевидно заинтересовано в издании — это явствовало из разговора с

несомненностью), — если эти известия Вас не расхолаживают, то Вы отлично сделаете, продолжая исподволь работу и присылая нам дополнения; в частности, место о Цезаре в «Герое нашего времени» настоятельно требует комментария, и Ваш, кажется, будет первым (я еще не успел это достаточно основательно проверить). Я могу Вас заверить, что при всех обстоятельствах работа Ваша даром не пропадет; надвигается юбилейный 1966 год (собственно, уже надвинулся!), и если будут издаваться сборники или возникнут какие-либо иные возможности опубликования, то редколлегия не только не будет возражать против публикации лермонтовских новаций, но станет всемерно им содействовать.

Желаю Вам всего доброго.

В. Вацуро.

Письмо сохранилось в архиве В. Э. Вацуро. Будучи готово к отправке, оно по каким-то причинам осталось неотосланным. Имя Н. И. Безбородько (Днепропетровск) находим среди авторов «ЛЭ».

Н. П. Розину

<1977>

Дорогой Николай Пантелеймонович!

Снова должен благодарить Вас за *превосходную* редактуру, очень улучшившую статью. Мне всегда (почти всегда) «везло» в этом отношении, но Вы заставили меня удивляться[1]. Мне жаль только одного выброшенного сведения, которое я восстановил, — т. к. за этим наблюдением стоит целое поле будущих поисков (стих, очень связано с лит. бытом, мы его уже сейчас не во всем понимаем).

Искренне Ваш…

Н. П. Розин — старший научный редактор редакции

литературы и языка издательства «Советская энциклопедия». По свидетельству его коллеги Л. М. Щемелевой, речь в письме идет о статье «Журналист, читатель и писатель».

Л. М. Щемелевой

<Б. д.>

Дорогая Людмила Макаровна!

Вот Вам часть — и основная часть — моих недоимок. По «Прозе» почти все замечания Ю. В. Манна справедливы, кроме одного, на которое я возразил на полях, чтобы Вы знали, почему я его не учел. В общей характеристике «Героя», впрочем, мы с ним тоже не вполне совпадаем, — тем не менее я изменил первоначальную формулировку, действительно двусмысленную. Что касается «Лермонтоведения», здесь нужен разговор более подробный. Очень жаль, что статья эта была отправлена на рецензию только сейчас, когда она уже отредактирована. Ведь она специально обсуждалась на секторе новой русской литературы у нас; ее читал И. Л. Андроников, — так что она уже достаточно прошла апробацию, и я учитывал сделанные замечания. Читал ее специально и В. А. Мануйлов. Вы знаете, что даже после выхода из печати любая работа не гарантирована от замечаний, — стоит ее только дать на рецензию. Но что сделано — сделано; подождем отзыва.

Теперь о Ваших замечаниях. Большинство их справедливо, — но учесть я сумел далеко не все. Дело в том, что Вам хотелось бы конкретизировать упоминания о Белинском, Шевыреве, Григорьеве, символистах и т. п. *В этой статье* так делать не нужно. Учтите ее масштаб: если мы начнем детализировать отзывы о Л. (да еще с цитатами), нам придется равномерно расширять все остальное, — и отнюдь не по соображениям формальным, а потому, что во всем последующем лермонтоведении есть детали не менее, м.б., еще более важные. Стоит изменить масштаб изложения для одной части, — и все другие покажутся случайными по характеристикам (или обедненными); более того, пропадает магистральная линия изучения, — а ведь это в

статье самое важное. Кроме того, Вы не соотносите эту статью с персональными статьями о том же Белинском, Григорьеве и др., а ведь я это делал, когда писал, — отсюда и отсылки. Что касается символистов, то здесь также есть ряд персональных статей; кроме того, большинство этих работ начала XX века — не лермонтоведение в точном смысле (т. е. научное л<ермонтоведение>), а *литература* — и место им не здесь. Что добавлено — пусть останется, но нового ничего прошу Вас сюда не вписывать; и так уже «лешее начало» выглядит странно на фоне научных проблем.

По тем же причинам (соблюдения единства масштаба) не нужно подробнее аннотировать и известные книги о Л. (напр., книгу Л. Я. Гинзбург), — иначе придется равномерно расширять аннотации для других работ, — и более того, самая аннотация анализируемой книги окажется недостаточной: одни проблемы повлекут за собою другие. Это — общий закон обзорных статей.

Я включил в обзор новейшие работы, — конечно, выборочно. Здесь тоже важно соблюдение пропорций. Вы увидите, что «Библиография» О. В. Миллер (она должна идти за ее подписью сразу за статьей «Лермонтоведение») шире по составу имен и количеству работ, нежели статья, — и так должно и быть. Сейчас к изучению Л. обращаются многие исследователи, — и нам важно представить имена и работы в первую очередь профессиональных лермонтоведов, людей специализировавшихся в этой более или менее узкой области. Этот принцип важно выдержать, хотя, конечно, отдельные исключения из него возможны. Поэтому прошу Вас все дополнения в этом отношении согласовывать со мной, — в статье таких гомеопатических объемов любой перекос виден, здесь акценты суть элемент содержания.

О. В. Миллер пришлет Вам дополнения к библиографии — мы скоординировали списки.

Теперь о статье «Русская л-ра» (точнее, «проза»). Пока ее редактировать рано. Статья сама по себе хороша, — мы ее все прочли (я дочитываю), — но у нас есть к ней свои пожелания, которые я на днях сообщу В. М. Марковичу. Предварительное мнение: она i) очень велика; 2) в первой части посвящена собственно прозе Л., что не входит в ее задачи; 3) по своему стилю

является журнальной, а не энциклопедической (излишне свободна, не лаконична, рассуждение подавляет информацию); 4) совершенно не скоординирована с другими статьями отдела. Это очень важно; она должна «собирать», фокусировать персональные статьи, а не существовать сама по себе, — иначе у нас энциклопедия превратится в сборник статей. Заказывая статью, Вы, вероятно, не информировали точно автора, что он должен делать. Ничего, мы это исправим. Наконец, ее нужно редактировать вместе с «Поэзией», как единую статью «Русская литература». Но тогда нужна и «Советская л-ра» — помните ли Вы об этом? Как дела с ней?

Я, с Вашего разрешения, буду писать Вам о всех проблемах, которые у нас возникают, чтобы не посылать окружных грамот. Тем более что многие из них (проблем, а не грамот) взаимосвязаны. Я только что получил от Л. М. Аринштейна официальное письмо В. В. Жданова по поводу статьи о Пушкине, — Вы, конечно, в курсе дела. Вопрос это очень сложный. Я понимаю, что вам хотелось бы видеть более «концептуальную» статью о Пушкине, — хотя я не убежден, что лично я с такой статьей бы справился и что она бы вас устроила. Мне — говоря откровенно — от статьи Э. Э. Найдича отказаться очень трудно по многим причинам. Прежде всего, она достаточно информативна, и всякий, кто возьмется писать на эту тему, неизбежно повторит весь его материал. Далее — она отражает то, к чему пришло лермонтоведение к сегодняшнему дню, и не вина автора, если оно достигло немногого. Наконец, третья причина — этического свойства. Я не могу так просто взять и отобрать у квалифицированного автора одну из важнейших статей раздела, тем более что сам я вовсе не убежден, что это нужно делать, и, отобрав, приняться за нее сам. Учтите при этом, что Э. Э. Найдичу, автору, как известно, весьма уважаемому, как-то фатально «не везет» в нашем издании, — уже не первая его большая статья многократно дорабатывается или отклоняется. Я не видел отрицательных рецензий на «Пушкина», — но наличие таковых для меня не является последним аргументом, поскольку я читал статью сам.

Давайте попробуем найти компромиссное решение. Все концептуальные моменты, связанные так или иначе с проблемой «Пушкин — Лермонтов» и шире — с

проблемой «пушкинского» и «лермонтовского» периода рус. поэзии, можно осветить в статье «Русская литература» — именно в первой ее части, касающейся поэзии. Ее можно скоординировать со статьей «Пушкин» с помощью взаимных отсылок. Если вы не заказывали еще эту статью, я мог бы попробовать ее написать, притом с учетом необходимости обобщенной постановки вопроса «Пушкин и Лермонтов». Это было бы удобно еще и потому, что роль Пушкина для Л. обрисовывалась бы на фоне др. лит. явлений, и с другой стороны, о л-ской индивидуальности пошла бы речь при обрисовке «лерм. периода» рус. поэзии. Если же это решение — на мой взгляд оптимальное — вас не устроит, то перезаказывание статьи о Пушкине не может быть осуществлено ранее, чем автор отвергнутой статьи получит необходимые разъяснения и аргументированный отказ.

Кажется, я исчерпал часть первоочередных тем. Большой привет всем, всем, всем!

Да, вот еще. Аппендикс об авторской позиции, как мне кажется, вполне благополучен. Однако «авторская позиция» — не термин, а если термин, так другой (соц.<иальный>, идеологич.<еский> и пр.). Статья должна идти на «А» — «Автор-повествователь», тогда, я думаю, ее нужно расширить и до поэзии и дать к ней непременно библиографию. Вообще об этой прозаической подробности забывать не нужно в разделе «Поэтика», — она там приобретает особое значение и дисциплинирует авторов.

Всегда Ваш…

Адресовано Л. М. Щемелевой (кандидат филологических наук, научный редактор редакции литературы и языка издательства «Советская энциклопедия»). Статьи (с. 457–458; см. также наст. изд.). Раздел «Лермонтов и русская поэзия XIX в.» статьи «Русская литература XIX века и Лермонтов» написан А. И. Журавлевой; автор раздела «Лермонтов и русская проза XIX в.» — В. М. Маркович. Появившаяся в «ЛЭ» статья «Автор. Повествователь. Герой» принадлежит Э. А. Веденяпиной. В.Э. «Проза Лермонтова» и «Лермонтоведение» см. в наст, издании. В статью Э. Э. Найдича «Пушкин» (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 455–458) был включен раздел, написанный В.Э.

Л. М. Щемелевой

<Б. д.>

Милая Людмила Макаровна,

Вы совершенно правы: комментарий к «Казоту» переделывать я не буду, — но не потому, что гипотеза В. И. Коровина не опубликована, а потому, что она очень маловероятна. Разберемся.

История общения Лермонтова и А. Одоевского совершенно не документирована. Мы знаем о факте общения, о характере отношения Л. к О. (по стихотворению), — и все. О чем они говорили, что читали друг другу — неизвестно; каждое, даже самое маленькое указание на это явилось бы своего рода открытием. У нас есть один только косвенный факт: Л. знал стихи О. «Куда несетесь вы, крылатые станицы» (1837) и написанную как раз в это время общения очень пессимистическую элегию. Она отразилась у Л. в стих. «Казбеку» и «Последнем новоселье» фразеологическими реминисценциями.

Чтобы обосновывать предложенное В. И. Коровиным толкование «На буйном пиршестве», нам нужно ввести в летопись жизни и творчества Л. и О. следующую запись: «1837. Ноябрь. Л. общается с О. По-видимому, О. читает Л. свои „декабристские“ стихи (1829–1830) и говорит о грядущем социальном катаклизме».

Я Вам рекомендую показать эту запись (а она — презумпция к толкованию стихотворения) декабристоведам, занимающимся творчеством О., и послушать, что они скажут. А они скажут в общих чертах следующее: если у Вас есть хоть одно свидетельство для обоснования такого утверждения, то Вы совершили едва ли не переворот в изучении О. и проблемы взаимоотношений Л. и декабристов.

Ах, у Вас нет фактов? Это «гипотеза»? Зачем же нам вообще заниматься изучением Л., декабризма, эволюции мировоззрения и т. п., если мы спокойно постулируем — ни много ни мало — идею *социального катаклизма* у Одоевского в 1837 г.? Давайте напишем статью о том, как воздействовало на Л. стих. О. «Струн вещих пламенные звуки», — да заодно и пушкинское послание

в Сибирь… Ведь «конечно же» О. читая стихи «новгородского цикла», «не мог не поделиться» с Л. и этими стихами…

А теперь давайте сравним облик «Одоевского-Казота» и Одоевского в стих. Л. «Я знал его…». В последнем О. сохранил «веру гордую в людей и в жизнь иную». Хороша вера: «Над вашей головой колеблется секира». А что значит: «Но что ж? из вас один ее увижу я». Толкование такое: «вы будете казнены, а я останусь единственным свидетелем». Если это говорит О. — то почему же он, которого ждет на каждом шагу пуля (или злокачественная лихорадка), так уж уверен, что судьба сохранит его для этого спектакля? И почему казнимые не увидят секиры — кому же ее еще и видеть?

Если же «сидел задумчиво» на пиршестве О., а говорит Зосима, тогда все еще менее понятно. Признаюсь, мне не приходилось встречаться со случаями вегетативного скрещивания автора и его героя. Во всяком случае, такое толкование искусственно и филологически некорректно, — его нужно доказывать, а доказательств нет. Мне очень жаль и досадно, что В. И. Коровин поспешил со своей гипотезой. А вот лексика стих, заслуживала бы большего внимания. «Дряхлеющий мир» — понятие не Одоевского (ср. опять те же характеристики в стих. Л. о нем) и тем более не Зосимы. «Новгород» для декабристов был отнюдь не дряхлым миром, — против этой концепции они как раз возражали. А вот предреволюционная Франция определялась в этих понятиях, ср. у Пушкина: «старое общество созрело для великого разрушения» (VII, 313); ср. также в «Андрее Шенье», который оказал на Л. большое влияние.

Поэтому я и не ввел «Зосиму» как аналог, — это стих, в обиходе не было известно, в списках его нет, в Петербурге о нем знало несколько человек, у которых была тетрадь стихов О. — Вяземский, в частности, м.б., Дельвиг. Вводить же ответственные допущения в ЛЭ я не считал возможным, не считаю возможным и сейчас. Если бы предположение В. И. Коровина было опубликовано, я вынужден был бы в статье его оспаривать.

Ваш…

Речь идет о статье «На буйном пиршестве задумчив он

сидел…» (см. наст. изд.).

В. В. Жданову

<Б. д. >

Дорогой Владимир Викторович!

Мне прислали первый вариант «Боя» и не прислали второго, который был бы очень нужен. У меня нет его под руками, и я не могу его получить, т. к. Ирина Сергеевна за городом, а в Институт не добраться; Миша же уезжает в праздники. Поэтому сужу о нем по памяти; остальное лежит передо мной въяве.

Никакие рецензии мифологической редакции не могут убедить меня в том, что *содержанием* стихотворения является бой небесных сил. Так получится только при буквальном понимании стихотворения. Между тем во всех статьях Энциклопедии мы настойчиво утверждаем, что метафоризм и аллегоризм — характерная черта лермонтовской поэтики. Об этом далее, — но что получается при принятых Редакцией толкованиях? Почему выпадает строчка: *«надо мною* слетелися воздушных два бойца»? Как можно не заметить, что Мих. Ю. Лерм. (или его лирич. герой, — что здесь — то же) оказывается зрителем небесного спектакля и что эта картинка является ужасающей по безвкусию и пародийности? Как можно было не заметить, что «демон» не просто «черный», а в «одежде чернеца», т. е. *монаха*? Где и когда у Л. появляется «монах-дьявол»? Наконец, где доказательства знакомства Л. с апокрифическим источником, на который ссылки очень глухи? если же это икона в доме Арсеньевой, то где доказательства соответствия двух картин? И почему светлый воин не просто на белом коне (что соответствует иконным изображениям), а «обвешан» какой-то «серебряной бахромою»? (Кстати: у М. Ф. Мурьянова «гром» понимается буквально, что также недоразумение: «гром» и в народном, и в поэтич. словоупотреблении («держит громы в руках») означает молнию.) Наконец, почему и для чего написано стих.? где его истоки в творчестве Л.? На все эти вопросы

присланный мне историко-культурный комментарий не может ответить; он не охватывает даже деталей зрительной картины и строится на серии совершенно некорректных и недоказуемых допущений.

Между тем отвергнутый Вами вариант без труда отвечает на *все* эти вопросы. И.С. привела в нем собственное свидетельство Л. — его автобиографич. заметку 1830 г.: «Я один раз ехал в грозу куда-то; и помню облако, которое небольшое, как бы оторванный кусок черного плаща, быстро неслось по небу: это так живо передо мною, как будто вижу» (VI, 386). Зрительный образ к тому времени занимал Л. уже 8 лет! Заметка 1830 г. намечает пути метафоризации образа: облако — кусок черного плаща, облака — рыцари с шлемами вокруг Армиды. Вот вам исходные точки картины боя с черным рыцарем. Далее: гроза — один из устойчивых поэтич. мотивов у Л. (ср. стихи 1830: «Гроза», «Гроза шумит в морях с конца в конец…» и многочисленные «грозовые» пейзажи в поэмах). У Вас есть полный конкорданс: если Вы взглянете на слово «гроза» или «туча», Вы увидите, что здесь за материал; цитаты, выписанные одна за другой, конечно, дадут Вам более или менее устойчивые зрительные характеристики, типа «отрывки тучи громовой». Думаю, что «туча» обычно предстанет как разорванная, с неровными краями, как облако — «отрывок черного плаща». Здесь находит себе объяснение «бахрома». На фоне такого пейзажа появление лирич. героя не только объяснимо, но и предполагается. Кстати, о сквозном зрительном образе «тучи», «облака» у Л. писали, ср., напр., Фишер, 203.

Преимущество второго варианта статьи И. С. Чистовой перед первым — в том, что он дает стих, реальный контекст, — а первый — искусственный, типично культурно-исторический, из которого оно не объясняется. Статья М. Ф. Мурьянова — дополнительный комментарий именно к этому контексту. Все вместе — образец толкований, характерных для 1890-х годов (академического литературоведения), хотя и выглядит новаторским.

Другое дело — и здесь смешно было бы возражать, что символизация пейзажа происходит в формах библейской образности. То обстоятельство, что борьба воздушных сил — не предмет, а *форма* описания,

совершенно снимает вопрос о соответствии или несоответствии всей картины в целом каноническим или апокрифическим представлениям. Можно говорить лишь об определенных культурно-мифологических ассоциациях, об аллегорическом или символическом расширении элементов реального пейзажа, который просвечивает сквозь аллегорич. форму.

Все станет на место, если присланные Вами тексты отнести не к содержанию (истолкованию) стих., а к его *художественной системе.* Тогда 1-й и 2-й варианты статьи не будут противоречить друг другу, а взаимно дополнять; присланный 1-й вар. статьи И. С. Чистовой составит вторую часть ее же статьи, к которой можно приобщить отдельно некоторые наблюдения М. Ф. Мурьянова, если это нужно. Кое-что следует сказать осторожнее (см. правку в тексте) именно в силу тех общих положений, какие я попытался сейчас сформулировать. Я отсылаю Вам обратно присланные тексты именно как *продолжение* уже имеющегося у Вас варианта; на *замену* же я никак не могу дать согласия, — и такова же позиция И.С., с которой я по этому поводу говорил. Поскольку же первая часть статьи у Вас в руках, то «притирку» сделайте уж, пожалуйста, сами.

С Вашим вестником («ангел» по-гречески) спешу отослать отредактированную мной первую (историографическую) часть «Стиля», в к-рой (как мы с Вами говорили) есть крайняя нужда. Из нее видно, что предшественники современных новаторов чего-то все-таки стоили, и их деятельность не была сплошной цепью ошибок и заблуждений. К сожалению, на праздники невозможно было статью перепечатать; автор переписал ее начисто, чтобы можно было с ней работать. «Стилизацию» мне пришлось переписывать самому; посылаю ее тоже.

Адресовано В. В. Жданову (1911–1981), заместителю главного редактора «ЛЭ». В статье «Бой» (первая часть написана И. С. Чистовой, вторая — сопоставляющая стихотворение с церковной традицией — М. Ф. Мурьяновым) частично учтены замечания В.Э. В письме упоминается статья: *Фишер В. М.* Поэтика Лермонтова // Венок Лермонтову. М.; П., 1914. Раздел статьи «Стиль» «История изучения стиля Лермонтова» (Лермонтовская энциклопедия. С. 533–536) написан

Е. В. Невзглядовой. Отзыв на статью «Стилизация» см. ниже; в итоге статья «Стилизация и сказ» была написана В.Э.; см. наст. изд.

Стилизация

Статью с сожалением нужно признать совершенно неполучившейся. Существует общепринятое и общеупотребительное понятие, которое здесь заменено иным, как кажется автору, более «философическим». В результате стилизацией (или близким явлением) оказывается «Сон», «Листок», «Морская царевна». С этим не согласится ни один читатель, имеющий хотя бы элементарные сведения в области теории литературы. Поверхностное и некритическое применение теории М. М. Бахтина к любым явлениям, вне учета их качественной специфики заставляет автора забывать простейшие вещи: что стилизация — воспроизведение не чужого *слова*, а чужого *стиля* (что не одно и то же); что стилизовать вообще нельзя, а можно стилизовать только что-либо. Что стилизуется в «Листке»? стиль листка? За всеми этими рассуждениями забыты, между прочим, подлинные примеры стилизации — напр., речь Казбича в «Герое». Статью нужно переписывать полностью или отказаться от нее вовсе.

В. Вацуро.

Л. М. Щемелевой

<Б. д.>

Дорогая Людмила Макаровна!

Высылаем Вам первые папки со сведенными замечаниями. Для контроля нужно просматривать их все, т. к. могут остаться несведенные незамеченные мелочи. На переплете подписи тех, кто просмотрел именно

данную папку; соответственно, работая над отделом, напр., «Поэтика», Вы кладете в основу папку, просмотренную Т. П. Голованової, для раздела «Рус. лит-ра» — мою и И. С. Чистовой и т. п. Чтобы не задерживать работу далее, мы к этому письму прилагаем несколько рецензий на статьи следующих папок, которые (статьи) требуют более серьезных доработок с вмешательством автора. Этих статей мы ранее не читали; они были заказаны заново или перезаказаны.

В первой папке есть несколько, хотя и немного, сложных случаев. Первый из них — «Автор, повествователь, рассказчик». Эта статья решительно не получилась; все рецензии на нее отрицательны. Замечание В. А. Мануйлова: «Материал для дискуссионной журнальной статьи». Вы увидите на полях замечания Т. П. Голованової; с ними совершенно совпадает и моя рецензия, и рецензия Э. Э. Найдича. Я посылаю Вам текст моей рецензии, но прошу Вас соблюсти непременное условие: не показывать ее автору статьи, который может обидеться на резкость, — а это при всех обстоятельствах не нужно и нежелательно, тем более что статья отвергнута единодушно и ее придется писать заново. Возражения встретила и другая статья: «Антитеза», но не вся, а в третьей части. Здесь Т.П. произвела редактуру, с необходимостью которой также согласны мы все; в основном редактура эта сводится к нескольким купюрам, как Вы сами увидите, *настоятельно* необходимым.

Просматривая материалы дальше, я прочитал статью о «Ветке Палестины» и также посылаю на нее рецензию. Эта статья тоже не годится, — но здесь случай совершенно другой, и если автор станет протестовать, Вы можете показать ему отзыв. Здесь резкость оправданна, потому что статья — образец некомпетентности и полной безответственности. По сие время не могу спокойно думать, как человек взялся писать на совершенно неизвестную ему тему, не заглянув в самые элементарные источники, перепутав все, что только можно перепутать, и даже то, что перепутать невозможно, если правильно списывать с книжки. Эту статью мы перезаказали.

К сожалению, не получилась и статья «Когда надежде недоступный». Это жаль, потому что автор в высшей степени компетентный; но здесь он не нашел

ключа к анализу стих. Мои возражения Вы тоже увидите из отзыва. «Когда волнуется желтеющая нива» требует некоторой доработки и устранения противоречий. Посмотрите и отзыв на Вашу статью «Когда б в покорности незнанья»; он писан собственно для Вас и предоставляет Вам некоторую свободу действий. По-моему, стих, интереснее и глубже, чем Вы его описываете. Если бы Вы захотели еще подумать над ним и поработать над статьей, думаю, что усилия были бы оправданы. Вы недооцениваете как раз философский опыт русского общества, и в первую очередь опыт XVIII века; загляните в сочинения русских деистов, и Вы увидите, что он был живым вплоть до второй половины XIX в. В русской поэзии 1830-х годов он очень активизировался. Ему принадлежит многое из того, что мы считаем философским потенциалом лирики этого времени. Перелистайте некрасовские «Мечты и звуки» — сборник эпигонский — и Вы в этом убедитесь. *Система*, которая стоит за стих. «Когда б в покорности незнанья», также принадлежит ему, — и она Вам объясняет стих, в целом, а при Вашем толковании остается нерастворимый осадок. (Буквально то же самое происходит с толкованием Б. Т. Удодовым «Желтеющей нивы», — это же стихи о «великом часовщике» Руссо!) Одним словом, подумайте. Если не захотите пересматривать статью, я настаивать не буду, — хотя и пожалею, что Вы не сделали попытки подняться над общепринятой философией, во многом домашнего происхождения.

Желаю Вам всяческих благ! Скоро увидимся — и договорим; мы с И.С. привезем следующие папки с замечаниями.

Редакция сочла возможным сохранить статью «Автор. Повествователь. Герой», проведя некоторые сокращения (см.: Лермонтовская энциклопедия. С. 25–26; автор — Э. А. Веденяпина). Отзыв на нее В.Э. см. ниже. Статья «Антитеза» написана А. М. Песковым и В. Н. Турбиным (Там же. С. 33–34). Отзыв В. Э. на статью «Ветка Палестины» см. ниже. Отзывы на статьи «Когда надежде недоступный» и «Когда волнуется желтеющая нива» не сохранились; в «Лермонтовской энциклопедии» опубликованы статьи В. И. Коровина (с. 227–228) и Б. Т. Удодова (с. 227).

Эта статья мне представляется совершенно неудавшейся.

Тема ее очень важна и очень сложна; она требует особой точности дефиниций. Между тем даже основные историко-литературные понятия в ней либо неверны, либо неопределенны. Прежде всего, три термина не отграничены друг от друга. Что значит: в «Герое нашего времени» «повествователь является также и рассказчиком»? В лучшем случае можно предположить, что «повествователь» — странствующий офицер, а «рассказчики» — Печорин, Максим Максимыч; однако двое последних совершенно исчезают из изложения автора статьи. Как выясняется из дальнейшего, повествователем считается тот, кто излагает сюжет (в отличие от автора, который строит композицию). «Повествователь» обнаруживается и в поэмах, и в сказовой форме «Героя», и вся дальнейшая часть статьи представляет собой рассуждение о разнице между ним и «автором». О «рассказчике» (термин, вынесенный в «черное слово») дальше не упоминается, и роль его остается неизвестной.

Предупреждая против отождествления «автора» и «повествователя», автор замечает, что этот грех ведет к замыканию «Мцыри» и «Демона» в пределы романтического худ. сознания. А в пределах какого сознания они должны быть замкнуты? Реалистического? На этот вопрос ответа нет, зато есть рассуждение о том, что поэмы Л. «как правило» не замыкаются в рамках сюжета. Под сюжетом понимается «история героя» (традиционное понимание, как подчеркивает автор). Заметим, что под сюжетом традиционно понимается нечто совершенно иное. «Художественно построенное распределение событий в произведении именуется сюжетом произведения» (*Томашевский Б.* Теория литературы. Поэтика. М., 1928. С. 136 и сл.). Далее сообщается, что сюжет (т. е. заметим, по автору, «история героя») у Л. всегда соотнесен «с судьбой главного героя» (это либо порочный круг, либо новое понимание сюжета, либо судьба героя и его история — вещи разные). Судьба же героя включена «во всеобщий мир» (природа, быт, другие персонажи, даже «круг интересов читающей публики»). Рассуждение занимает

почти целую страницу. В справедливости его сомневаться трудно, потому что вряд ли в истории мировой лит-ры можно найти роман или поэму, в которой судьба героя подавалась бы вне быта, природы, других персонажей и интересов читающей публики. Подобного рода вопросы возникают почти для каждого абзаца. Как можно «средствами композиции» *создать* иерархию ценностей и воплотить истину исторического масштаба (с. 12)? Где в «Демоне» «всемирный масштаб развития человечества» (там же)? Почему в «Песне… <про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова>» «сюжет движется признаниями героев» (с. 14)? Что такое в «Герое…» *«созвучие между соотношением* автора и повествователя и композицией» (там же)? На с. и становится очевидно, что автор прошел мимо основной литературы по разбираемому им вопросу. Он отождествляет частные, локальные «точки зрения» (пространственную, временную, ценностную и т. п.) с позицией повествователя в целом и в каждом небольшом фрагменте произведения обнаруживает нового повествователя. При такой методике в «Войне и мире» их обнаружится, вероятно, несколько сотен, если не тысяч. Ошибка совершенно элементарна; чтобы ее избежать, достаточно ознакомиться с книгой Б. А. Успенского «Поэтика композиции», не говоря уже об учтенной там литературе (да и после этой книги появлялись работы на эту тему). Отметить здесь все произвольные суждения, неудачные формулировки, прямые ошибки нет никакой возможности; укажу только на самые разительные.

«Герой нашего времени», оказывается, доказывает нам, что «отдельно взятая личность, при всех ее выдающихся способностях, не может организовать *жизнь в целом*, оставаясь в рамках официальной идеологии» (с. 15)! Это не обмолвка, т. к. дальше тезис получает развитие! А не оставаясь — может? Лермонтов показал это в романе, но куда же смотрел он сам? Организовал бы, что ему стоило. На с. 16 мы встречаемся с необыкновенным принципом *стилистической* классификации: на «завершенные» и «незавершенные» произведения. В последних автор якобы непосредственно вмешивается в повествование, в первых — нет. К первым относится очерк «Кавказец» и «Панорама Москвы», к последним — «Княгиня Лиговская». Спорить с этим

утверждением можно будет только тогда, когда автор перечитает произведения, о которых он пишет. Заодно было бы хорошо обновить в памяти «Песню про купца Калашникова», чтобы не утверждать, что в ней не выдержана хронологическая последовательность событий.

Боюсь, что переделать статью не удастся. Ее нужно писать заново — и очень коротко (самое основное), — или отказаться от нее вовсе.

В. Вацуро.

«Ветка Палестины»

К сожалению, против напечатания этой статьи я должен возражать самым решительным образом. Неосведомленность автора в литературе вопроса почти невероятна. Уже в первой строке он безоговорочно датирует стих. 18 февр. 1837 г., обосновывая эту дату «Стихотворениями М. Лермонтова», где под «Веткой Палестины» стоит 1836 г.! Откуда взялась дата «18» неясно: визит к Муравьеву, как доказывает И. Андроников, был 17 февр. (Иссл. и находки, с. 65). Если бы автор дал себе труд заглянуть хотя бы в комментарий к акад. Лермонтову (т. II, с. 331), он бы нашел там сведения, что Муравьев рассказывал об истории этого стих, дважды и по-разному; в «Описании предметов древности…» (1872) он не связывал его с визитом Л. к нему и датировал 1836 г. Эти сведения автор мог бы найти и в прим. к воспоминаниям Муравьева (Восп., с. 456), где есть ссылка на специальную статью (В. В. Баранова), посвященную всем этим вопросам. Ссылка на эту статью есть и при статье «Ветка Палестины», — но автор не заглянул *ни в один* из самых элементарных источников. Поэтому у него выпали все приводимые исследователями параллели к этому стих. (см. о них комм, к Л. в изд. «Academia», II, 181–182). Не рассмотрев критически ни источники, ни исследовательскую литературу, автор избрал первый попавшийся и с совершенным простодушием построил на нем свои рассуждения о душевном состоянии Л. в

1837 г., «подкрепляя» их текстом. Несерьезность всего этого построения станет очевидной, если принять дату «1836» как наиболее вероятную. Из самого текста стихотворения автор выбрал только нужные ему слова, благоразумно опустив ненужные. Из них удалось построить «иконный» пейзаж. Если прочитать все стихотворение, такого пейзажа не получится, т. к. не существует икон, на которых изображена пальма, колеблемая ночным ветром, или увядшая пальма, покрытая прахом, или иудеи, сплетающие ее листья. Замечательно рассуждение о тайне, проникающей все стихотворение: «все вопросы оставлены без ответа: „Поведай: набожной рукою / Кто в этот край тебя занес“…» и т. д. Стало быть, принципиально возможно было бы отвечать на эти вопросы: занес Муравьев, следа слез не храню, грустил редко и т. п. На стр. 3 утверждается, что стих. — «исповедь наедине» и «немой диалог». Как это может сочетаться — по-видимому, тайна уже не стихотворения, а статьи, которую, повторяю, с сожалением приходится признать не соответствующей самым элементарным научным требованиям.

«Тамара»

Редакция ЛиЯ сочла необходимым заменить первоначальный вариант статьи, опиравшийся на существующую литературу о балладе Л., новым, содержащим оригинальные разыскания и интерпретации. Можно признавать существующую литературу о «Тамаре» недостаточной и не раскрывающей произведение до конца, однако нужно помнить, что Энциклопедия не имеет права исправлять эти недостатки, вводя совершенно индивидуальные и иногда крайне субъективные толкования, место которым в специальных исследовательских сборниках, призванных как раз обновлять существующие точки зрения. Все это в полной мере относится к рецензируемой статье.

Автор статьи стремится вскрыть глубинные пласты замысла Л. Он устанавливает в балладе романсное и

мистериальное жанровые начала. Романсное начало в «Т.» нужно доказывать; мистериальное — недоказуемо, т. к. в жанровом отношении мистерия — драматическое произведение. Трудно согласиться и с тем, что в «Т.» *отождествляется* природное (Терек) и человеческое (Тамара): из того, что Дарьял — теснина, а башня — тесная и что там и здесь темно, отнюдь этот вывод не следует. Между тем читатель Энциклопедии будет принимать его как вывод, принятый в литературоведении, не зная, что он — совершенно индивидуальная точка зрения. Совершенно так же, как несомненность, будет восприниматься и рассуждение на с. 35: «утра сияние» «преображает „хаос“ в „космос“ и вводит в демонич. облик Т. светлое начало». Это — совершенное недоразумение: по прямому смыслу строфы, наслаждение совершается ночью, утром «мрак и молчанье» воцаряется в башне, и в Терек выбрасывается труп, — после чего следует прощание.

Где же здесь «светлое начало» и «преображение хаоса в космос»? Между тем из этой строчки, к тому же истолкованной вне всякого контекста, делается широкий вывод о связи Л. с натурфилософией Тютчева, с «дневным и ночным» началами и т. д. и т. п. Остается непонятным, зачем Л. понадобилась натурфилософия, «с гениальной дерзостью» введенная в «романс о жестокой любви» (совершенно превратное и глубоко несправедливое истолкование великолепного произведения!). Просто для гениальной дерзости? А если есть натурфилософия, — то зачем романс о жестокой любви? Все эти вопросы возникают закономерно, т. к. целостность стих, при таком истолковании совершенно распалась, концепция его исчезла и вопрос о *смысле* всего происходящего даже не поставлен. Между тем смысл совершенно ясен, — и связи стих, с «Египетскими ночами» гораздо глубже, чем кажется автору. (Кстати, неприятная опечатка: «Ег. ночи» датированы 1837 — это дата публикации.) Гибель возлюбленных царицы — это вовсе не нечто «неподвластное разуму», — напротив. Они гибнут потому, что для Т. любовная страсть — единична и неповторима; ночь с ней — своего рода апофеоза любви, после которой ни ее избранник не может знать другой женщины, ни она — вторично возвратиться к нему. Это — характерная лерм. *интерпретация* пушкинского текста, в котором

акцентирован им не «торг», а «неслыханное служение матери наслаждений» (слова Клеопатры). Все это совершенно ясно из текста, — и скорбное прощание — не мифическое «дневное начало», а необыкновенное по красоте завершение этой идеи. Здесь почти тот же ход мыслей, что и в первой новелле «1001 ночи», где царь Шахрияр казнит своих жен наутро после брачной ночи, т. к. уверен в неизбежности женской измены. Все рассуждения о натурфилософии и т. п. только затемняют прозрачную ясность лермонтовской баллады (объявленной жестоким романсом).

Совершенно неубедительно сопоставление «Т.» с «Демоном», — для него понадобилось переинтерпретировать поэму; ни при каких усилиях из нее нельзя вычитать, что Демон преобразил Тамару по своему образу и подобию. То же обстоятельство, что героиня поэмы и баллады носит одно имя, не может быть аргументом, даже если признавать, что «в антропонимическом пространстве» л-ского творчества (не очень ясно, как антропонимика может составлять пространство) имя героя «всегда несет смысловую нагрузку». Это примечание лукаво: вопрос в том: одну и ту же или нагрузку вообще? Автор не решается утверждать первого, а второе — не довод.

В силу всех этих резонов я должен решительно возражать против публикации этой статьи в ЛЭ. Повторяю: она уместна в сборнике, где ее тезисы могут быть аргументированы и где спорность ее не будет противопоказанием к публикации. В данном же издании она ничего не разъясняет и лишь возбуждает все новые вопросы, на которые ответов нет и, как мне представляется, в ряде случаев они и не могут быть получены.

В. Вацуро.

Опубликованная в «Лермонтовской энциклопедии» статья «Тамара» принадлежит Вацуро (см. наст. изд.); последний фрагмент (грузинские источники баллады) написан В. С. Шадури (Лермонтовская энциклопедия. С. 560).

Эта статья — третья, не получившаяся у данного автора, и причины неудачи, конечно, не в неспособности автора написать теоретическую статью, а в ложности исходной установки. К неудаче приводит упорное стремление отрешиться от традиционных дефиниций и дать — любой ценой — непременно оригинальное построение. Чрезвычайно нечетко самое определение сюжета — событие или совокупность действий. Сюжет — это способ временного развертывания замысла; точное определение нужно взять хотя бы из «Поэтики» Томашевского. При ином понимании его постоянно будут смешивать с *событием*, что и происходит в статье. Далее — что такое лирич. сюжет? Это второй вопрос, на который нужно ответить, чтобы не говорить, что у Лермонтова в лирике «событие или совокупность действий» «не являются смыслоорганизующим началом». А у кого является? у Фета? у Блока? у Тютчева? А далее, при таких посылках, автор неизбежно попадает в область наукообразного доморощенного философствования на ту тему, что сюжет «шов» между миром «внешним и внутренним» (как будто здесь все яснее: что такое человек внешний, что такое внутренний и где их сшивают), что сюжет — движение души (что такое душа — автору, очевидно, также совершенно ясно) и т. д. и т. п. На с. 28, наконец, автор выбирается на более твердую почву (абз. 2), но затем опять впадает в область отвлеченных рассуждений, не имеющих к теме статьи ни малейшего отношения. Вместо того, чтобы разделить — как это до него делалось в течение двух тысяч лет — стихи лирич. и лиро-эпич. (балладные, сюжетные) и установить их удельный вес в лирике Л., автор начинает доказывать, что в «Бородине» развивается «коллизия (почему коллизия?) общения», а не рассказывается о ходе сражения (а есть вообще стихи, где дается рифмованная хроника Бородинской битвы?). Анализировать статью далее нет надобности, т. к. конечные ее выводы полностью зависят от исходных установок; к ним добавляется только понятие «романтич.», «внефабульной» лирики (уже новое — или автор отождествляет сюжет и фабулу?) и реалистич., где «сюжет связан с событиями внешнего мира». Это означает, что всю интимную лирику должно отныне

отписывать по ведомству романтизма. Несомненно, в статье есть и точные и свежие наблюдения, — но в целом она не только не достигает цели, но безнадежно запутывает читателя. Библиография дает ему (читателю) понять, что на эту тему (о сюжете в лирике и пр.) никто никогда не писал.

В. Вацуро.

В «Лермонтовской энциклопедии» опубликована статья Э. А. Веденяпиной (с. 557–558; библиография при ней отсутствует). Вероятно, В.Э. дает отзыв на ее первый вариант.

«Я не люблю тебя: страстей»

Над этой статьей нужно бы еще поработать. Трактовка стихотворения не вполне точна; текст слегка переакцентирован, и это приводит к противоречиям. Согласно чтению, которое предлагает автор, лирическая мысль идет от «категорического признания в нелюбви» (неудачное выражение) до почти признания в любви, «продираясь» (очень нехорошо!) сквозь уступки, противоречия и т. п. Но ведь самый текст решительно противится такому чтению. Не следует забывать, что Баратынским и Пушкиным было уже открыто в лирике дифференцированное понятие любви, — и что именно в таком своем качестве оно выступило в двух элегиях, которые упоминает Л. в разговоре с Сушковой. Совершенно в их духе Л. не отрицает первый тезис, а развертывает и поясняет его: «я не люблю» — в том смысле, в каком это слово применяется к страстному безумию, мукам и т. д. — что он в свое время и чувствовал; ныне это чувство сменилось «памятью сердца». Ср.: «угасла не совсем», «молился новым образам, но с беспокойством староверца». Потом это повторится в рус. лирике: «люблю ли тебя, я не знаю и т. п.». Потому-то лирической эмоции и не приходится преодолевать никаких противоречий; она выражена не суггестивно, а совершенно открыто, и противительные интонации с «но» обозначают лишь, что у лирич. героя не наступило забвения и охлаждения. Лермонтов следует

здесь за элегич. традицией Пушкина-Баратынского, а не противоречит ей. Между тем из статьи неясно, в каком отношении к этой традиции стоит стих.; цитата из Сушковой повисла в воздухе и подсказывает читателю мысль, что Л. просто совпал с Пушкиным и Баратынским, что, конечно, неверно. Нужно указать и на то обстоятельство, что один из центральных мотивов стих, восходит к Байрону, а заключительный образ к Шатобриану. Далее: важно указать на положение этого стих, в пределах «сушковского цикла» и — особенно существенно — соотнести самую статью с др. статьями, где затрагиваются близкие темы, и сделать отсылки. Наконец: статья *очень* выиграет, если будет изложена экономнее.

В. Вацуро.

Автор статьи — К. М. Черный (см.: Лермонтовская энциклопедия. С. 641).

Лирический герой Л.

Если рассматривать эту статью вне ее непосредственного утилитарного назначения — не как статью для ЛЭ под названием «Лирический герой», а как этюд, посвященный лермонтовской лирике в целом, ее несомненно нужно признать удачной. Ее неоспоримые достоинства — свежесть взгляда на целый ряд проблем л-ской лирики, широта постановки проблем, стремление рассматривать Л. в перспективе общеевропейского романтического движения, наконец, высокий литературный профессионализм, который сказывается, между прочим, в умении точно и свободно формулировать авторскую мысль. Те отдельные спорные или недоказанные положения, которые в ней содержатся, ни в малейшей мере не помешали бы ее публикации в качестве индивидуальной авторской работы. Однако в Энциклопедии она выглядит явлением чужеродным, и то, что было бы вполне допустимым и даже привлекательным в любом другом издании, здесь — в силу законов жанра — оборачивается недостатком.

Статья начинается точной дефиницией (стр. 14), которая в дальнейшем получает развитие и конкретизацию. По ходу изложения в него вовлекаются все новые пласты осмысляемого материала, который автор черпает из арсенала романтической литературы вообще, в том числе и из лермонтовского творчества. Уже здесь начинается расширение темы и отход от непосредственной и достаточно локальной задачи статьи. Невольно возникает вопрос: был ли автор правильно информирован относительно ее возможного объема? Статья о лирическом герое занимает 27 стр. (!), она находится в неслыханно привилегированном положении в сравнении с другими статьями, авторы которых не могли себе позволить свободно развертывать историко-литературный фон, прибегать к побочным экскурсам, к цитатам и т. п. Как ни трудно это автору и редакторам (редактировать эту статью вообще очень сложно, а без автора, может быть, и невозможно), — но она должна быть сокращена вдвое, до 0,5 а. л. — в первую очередь за счет слишком свободного изложения и побочных экскурсов. Такие резервы сокращения есть уже на первых стр.: см., напр., с. 15 (абз. 2, от слов: «Романтическое мировоззрение» до «для ранней лирики Л. проблема читательской легенды не возникает»), с. 16 (от сл.: «И закономерно» и до конца абз. — «об этом в связи с Л. идет речь дальше» — эта мысль варьируется несколько выше) и т. д. Вообще автор склонен неоднократно возвращаться к раз высказанной мысли, чтобы включить ее в разные контексты или проиллюстрировать новыми примерами, — от этой роскоши, как ни жаль, в энциклопедии приходится отказываться.

Начиная со стр. 21 предмет статьи постепенно начинает исчезать из поля зрения автора. Прежде всего исчезает «Л. г.» как историко-литературная категория. Он начинает сливаться с понятием «личность Л.», более того, отождествляться с нею. Характерно, что на этих стр. речь боле всего идет о творческом сознании самого Л., а о его л. г. попутно. Я сейчас не вхожу в вопрос о том, насколько правомерно сближать эти понятия (сам автор и его лирический герой), — вопрос это спорный, и автор статьи волен принять любую точку зрения, — однако, как бы он ни решался, лирический герой — это не автор, а авторский «самообраз» (с. 14), понятие

историко-литературное, а не психологическое — и в этом качестве начиналось его рассмотрение. Это-то его качество исчезло, растворилось, скрылось за рассуждениями о творческих импульсах Л., его эволюции и т. п. Все это совершенно иные темы, которые теперь вышли в статье на передний план.

Л. г. позднего творчества Л. рассматривается в статье на материале сборника 1840 г. Такой аспект возможен как дополнительный к хронологическому анализу самой поздней лирики, — но как основной, тем более единственный, он совершенно не оправдан и является довольно показательным случаем подмены темы. Между тем автор статьи подробно, не торопясь, рассказывает о сборнике и об отдельных стихах сборника, частью повторяя то, что было уже сказано в частных статьях, частью совершенно неоправданно им противореча; устанавливая по своему разумению внутренние связи в сборнике (до сих пор такого анализа все писавшие о сборнике избегали, т. к. понимали, что столь жесткую телеологию невозможно строить там, где на каждом шагу нас может подстерегать случайность), переходя вслед за тем к наблюдениям над мелодикой стиха Л., над темой «толпы» в «Не верь себе» (попутно сообщается, что в последнем стих, «предузнан» Адуев-старший), над песенным началом у Л. и т. д. и т. п. В этом типично эссеистском построении, для которого есть только один критерий — «интересно» и «стилистически хорошо» (а этот критерий статья везде выдерживает), уследить за логикой мысли автора почти невозможно; если читатель все еще хочет получить ответ, как менялся л. г. Л., то ему предстоит окончательно запутаться в прихотливой вязи ассоциаций, отступлений, наблюдений более общих и более частных. Только на стр. 34 автор как будто вспоминает о заявленной теме статьи, чтобы тут же углубиться в выяснение вопроса о «песенности» лирики Л. и не покидать его уже до самого конца.

Я намеренно уклоняюсь от разбора положений автора по существу. Нет сомнения, что среди них есть в высшей степени плодотворные, которые когда-нибудь автор статьи развернет и подкрепит последовательной аргументацией; тогда будет возможен и их критический разбор. Сейчас важно другое: в настоящем своем виде статья является антиподом энциклопедической статьи. В ней не выдержано единство темы, не осуществлен отбор

материала, собственно изложение и побочный экскурс уравнены в правах, мысль не развертывается последовательно, а декларируется — и потому, как всякому эссе, ей вне-положен «академический» критерий оценки. Статью невозможно резюмировать, — и, уж конечно, *из нее нельзя получить никакой справки.* Повторяю: для критического этюда и даже для статьи в сборнике или журнале — это достоинство; для энциклопедии это почти катастрофично.

Вместе с тем я очень бы рекомендовал не заказывать статью на эту тему другому автору, а просить данного автора переработать ее с учетом требований Энциклопедии и в объеме не более 0,5 листа, т. е. сократив ее *вдвое*, — и не только потому, что это самый максимальный объем, который может себе позволить энциклопедия для данной темы (учитывая масштаб изложения, принятый в других статьях), но и в непосредственных интересах самой статьи.

В. Вацуро.

Речь идет о статье И. Б. Роднянской.

Статья получила высокую оценку в отзывах С. Г. Бочарова и Л. Я. Гинзбург (их тексты сохранились в архиве В.Э.) и была напечатана с небольшими сокращениями (Лермонтовская энциклопедия. С. 258–262); см. также: *Роднянская И. Б.* Герой лирики Лермонтова // *Роднянская И. Б.* Движение литературы: В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 42–61.

Э. Г. Герштейн

<1979>

Дорогая Эмма Григорьевна!

Я добрался, наконец, до статьи «Не смейся…» и спешу поделиться с Вами моим откровенным суждением.

В статье есть вещи чрезвычайно интересные. Они близки мне более, чем кому бы то ни было. Лет *у* или 8 назад я делал на группе доклад об интерпретации стих. «О, полно извинять разврат» и выдвинул мысль, что это

стих, вовсе не есть обращение Лермонтова к Пушкину (о чем говорили и раньше), а монолог Шенье, проецированный на среднюю часть пушкинской элегии; что «тираны» здесь — Робеспьер и пр. (у Пушкина — «палачи *самодержавные»*, отсюда «порфира», то же в «Сашке»), что мотив «изгнанья» опирается на подлинные стихи Шенье, что всё стих, реминисцирует пушкинскими стихами из той же элегии и т. д. и т. п. Вывод доклада встретил упорные возражения сторонников «пушкинской версии», и я его не напечатал. Я, однако, и сейчас продолжаю думать, что он был близок к истине, хотя, может быть, и не во всем. Судите же сами, с каким интересом я читал полный текст Вашей статьи, где приведены дополнительные данные, которых я тогда не учел, и сведения об историографии вопроса (Болдаков, Эйхенбаум), которые я упустил. Это мое личное восприятие Вашей статьи, которую я очень хотел бы видеть напечатанной.

Вместе с тем в ней есть те же слабые места, какие были и у меня, — и они, естественно, касаются позитивной части. Они усугубляются в «энциклопедич. варианте» статьи. Полный текст касался одного центрального вопроса — о датировке, и имел на это полное право. «Энц. вариант» имеет совершенно другую задачу, и не может делать этот вопрос центральным, — между тем все интереснейшие наблюдения, совершенно самоценные, в нем приглушены, и все «выведено» на дату. Получилась статья не энциклопедическая, а научно-полемическая, и читатель получил вместо целостного анализа лермонтоведческие «доместика факта». Так невозможно.

Это о жанре. Теперь по существу вопроса (даты), о чем мы с Вами немножко уже говорили. Разберем аргументы против 1837 г.

1. Невозможность «байронич. стих.» «Я не хочу, чтоб свет узнал» в 1837 г., когда Л. перешел к «конкретно-предметному стилю». Если бы Вы датировали эти стихи 1831-м г., напр., — это было бы естественно. Но ведь Вы связываете их с историей «Маскарада», которая закончилась 28 октября 1836 г.! Стало быть, дело в трех месяцах. Можно ли считать, что в декабре 1836 г. возврат к байронич. стилю возможен, а в январе 1837 г. уже нет?

2. «Психология — палка о двух концах», говорил у

Достоевского Порфирий Петрович. Я думаю, что как раз история «Маскарада» не может быть убедительно связана с мотивом *казни.* Если говорить о биографич. реалиях, то арест 1837 г. гораздо более естественен. Если же считать, что мотив литературен, тогда неосторожно связывать его вообще с какой-либо реальной ситуацией, в т. ч. и с ситуацией 1836 г. Далее. Л. совершенно не отказывается от своего поэтич. призвания (строки «Пускай толпа растопчет мой венец»). Он отказывается от *признания* (венец терновый остается для него даже и в том случае, если «толпа» его растопчет). Здесь интонация как раз та, что в стихах о Пушкине. Что же касается его поэтич. славы, — то Л. вряд ли мог на нее обращать особое внимание и даже знать о ней в 1837 г., сразу после ареста и угрозы тяжелых репрессий. И то, что его имя облетело всю Россию (полно, так ли?), — это ведь знаем и ценим *мы*, а не гусарский офицер, которому грозит разжалование в солдаты.

3. Вы связываете «Не смейся…» с стих. «Никто моим словам не внемлет…» и «Мое грядущее в тумане». Но эта связь не очевидна. Эти стихи скорее тяготеют к «Когда надежде недоступный». В них нет самого важного — устойчивого мотива казни. Зато этот мотив есть в «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою») — это стих, почему-то в «сплошняке» появилось вообще без имени — разве не Вы его пишете? и почему же? как можно делить эти два стих.? Вы же о нем в статье даже не упоминаете, и это непонятно.

4. Наконец, еще одно. Вы увлеклись проблемой творческого самоощущения Л. и оставили в стороне поэтому любовную, лирич. подоснову стих, и его лирич. адресата. Он, конечно, не обязательно реален; он намечается в стихах «ивановского цикла» и навеян поначалу Байроном и Т. Муром, а затем «Фанни» из пушкинского «Андрея Шенье», — но именно после истории с «Маскарадом» появление его трудно объяснимо, — во всяком случае, из ситуации никак не следует.

Имея в виду все эти обстоятельства, я взял на себя смелость сделать вот что. Я проаннотировал полный текст Вашей статьи и предлагаю Вам энциклопедич. новый вариант, откуда убраны конкретные возражения и где усилена позитивная часть. Нас бы этот вариант устроил гораздо более. Посмотрите его, пожалуйста,

внесите нужные коррективы и отошлите Энциклопедистам взамен старого, сославшись на нас.

А что же все-таки «Когда твой друг»? Кстати, по поводу строчки «волна полночная простонет» у меня есть одно полуфантастическое соображение. В 1830 г. в «Деннице» (как раз в то время, когда Л. был в Москве и читал московскую периодику и альманахи) было напечатано стих.

С. Тепловой, к-рое вызвало шумную цензурную историю скандального типа: оно считалось посвященным Рылееву:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О верь, о верь, что над тобою
Стон скорби слышала волна.
О верь, что над тобой почило
Прощенье, мир, а не укор,
И не страшна твоя могила,
И не постыден твой позор.

Так вот, строчка «С слезами горькими, с тоскою» есть в «Нищем», того же 1830 г., а «волна полночная простонет» — едва ли не парафраза 4-й строки, — конечно, непроизвольная. Что Вы об этом думаете? О стихотворении знали вся Москва и весь Петербург, — за него цензор

С. Н. Глинка сидел на гауптвахте и весь город его посещал, а Максимович давал объяснения.

О наших прочих делах пока не пишу <…>.

Всяческих благ!

Речь идет о статье «Не смейся над моей пророческой тоскою» (Лермонтовская энциклопедия. С. 337; напечатана — вопреки просьбе Э. Г. Герштейн, обозначенной в приводимом ниже ее письме к В.Э., — с одной подписью). Статья «К ***» («Когда твой друг с пророческой тоскою») написана К. М. Черным (Там же. С. 205). Упомянутая гипотеза была позже развернута в статье «Лермонтов и Серафима Теплова» (см. наст. изд.). 4 июня 1979 года Э. Г. Герштейн отвечает Вацуро:

Дорогой Вадим Эразмович. Огромная благодарность за внимание, с каким Вы сделали талантливую

аннотацию моей большой статьи. Мне очень понравилось, и я уже отослала ее сегодня в Энциклопедию с двумя только дополнениями. *1.* К примерам, иллюстрирующим в скобках колебание времен, я прибавила «Не смейся. чтобы подчеркнуть настоящее время. В Ваших примерах упомянуты только прошедшее и будущее. *2.* К подписи я прибавила фамилию В. Э. Вацуро, не дожидаясь Вашего согласия. Но я их предупредила, что это не согласовано еще с Вами. А теперь прошу Вашего согласия печатать эту заметку за двумя подписями.

Теперь отвечу на Ваши возражения.

Вы говорите, что между запрещением „Маскарада“ и смертью Пушкина прошло всего три месяца. Но дело не в календарном времени, а в том, что дни 27–29 января и следующая за ними неделя — это рубеж, шок, обвал. Такие события резко меняют мироощущение. И все исследователи, следящие за творческой эволюцией Лермонтова, отмечают крутой перелом, произошедший в его художественном методе в это время. Найдич характеризует его как отказ от циклизации лирики, Л. Гинзбург говорит о предметности, пришедшей взамен романтическому стилю (не помню текстуально), Максимов уделяет этому феномену несколько страниц, и, уж конечно, Эйхенбаум строил на этом свою периодизацию лирики Лермонтова.

Вы сомневаетесь, была ли слава? Ощущал ли ее Л.? Вчитайтесь в показания Раевского. Он так и пишет, что слава вскружила Л-ву голову. Если впервые стихи молодого, никому неизвестного поэта переписывают в кофейнях, в офицерской среде, в великосветском обществе, одни с бранью, другие в восторге, — разве это не дает честолюбивому Л. ощущение славы? И это сквозит в его взбудораженных записках и письмах Раевскому.

Далее: Вы говорите, что Л. отказывается не от призвания, а от признания — по-видимому, в этом Вы правы. Ваше толкование вернее.

Далее: мотив *казни.* В этом стих-нии он лежит на поверхности. А в подтексте лежит расширительный смысл безвременной смерти. В некоторых шеньевских стих-ниях Л. говорится не о казни, а о самоубийстве. И тот же мотив рубежа, распутья или тупика содержится во всех приведенных мною стихах сомнительных дат между

1836–1838. И почему Вы говорите, что я не упоминаю „Когда твой друг с пророческой тоскою“? Я не только упоминаю его, но сопоставляю с „Русалкой“. Прочтите „Русалку“ в окружении первых петербургских стих-ний Л. (малоудачных, кроме, Паруса»), и Вы увидите, что, растерянный в суровой и чужой обстановке, Л. очень и очень подумывал о том, не броситься ли ему в Неву? То, что Вы указали на стихотв. Тепловой, — поразительно! И очень убедительно. Жаль, что это не напечатано. Я очень верю, что тут есть связь, и с глубокой перспективой — ведь речь идет о Рылееве. Не вижу в Вашей версии ничего фантастического, ни полуфантастического. Это осложняет мою идею о связи стих. «К***» с «Русалкой», но не уничтожает. Однако сближать хронологически оба варианта «пророческой тоски» нельзя из-за стих. «Я не хочу, чтоб свет узнал». А его лирический центр (терминология Эйхенбаума) *не* в противопоставлении себя толпе и в возвышении своего большого «Я», а в чувстве вины запутавшегося и морально опускающегося человека. И его обращение к Богу и совести — последняя самозащита. В «пушкинские» дни у Л. не могло быть ощущения вины. Я знаю, что Вы сейчас скажете: а его записка к Раевскому? «Мне порою кажется, что весь свет на меня ополчился» и т. д. Но это — конкретная вина, причиняющая страдания его любимому другу, и от нее не скроешься «на утесе». «Я вспомнил бабушку», — откровенно оправдывается Л.

Вы сопоставляете «Мое грядущее в тумане» с «Когда надежде недоступный» — безусловно, здесь и психологическая и литературная связь. Но, во-первых, я не помню сейчас, имеются ли доказательства его датировки 1834 г., кажется, это связано с юнкерской тетрадью? Но в обрывающейся строфе «Мое грядущее…» есть подразумеванье чего-то совершенно конкретного: «…для поприща готовый я дерзко вник в сердца людей» и т. д. Здесь явно имеется в виду «Маскарад». Насчет дамы, которой посвящены стих-ния о «голове на плахе», ничего не знаю. Согласитесь, что наши сведения о жизни и творчестве Л. в годы служения в лейб-гусарах до смерти Пушкина находятся на уровне «доисторического» лермонтоведения. Как ни много пробелов в общей биографии Л., все-таки детство, Москва, Кавказ, Петербург в юнкерском училище, Петербург — между двумя ссылками, последний отпуск, дуэль и смерть —

мы перетряхнули, узнали много нового, прибавили ряд новых материалов. А тут мы остаемся девственно невинными, имею в виду годы 1834–1836/7. <…>

Всего лучшего!

Э. Геритейн.

4 июня 1979 г. Письмо уйдет завтра.

Заведующему редакцией литературы и языка

издательства «Советская энциклопедия»

М. Н. Хитрову

Глубокоуважаемый Михаил Николаевич!

Как Вы знаете, в последние месяцы работы над корректурами «Лермонтовской энциклопедии» редколлегия этого издания понесла тяжелые потери: мы лишились В. Г. Базанова, который в качестве директора Института русской литературы принимал ближайшее участие в организации Энциклопедии и координировании работы над ней, и В. В. Жданова, заместителя главного редактора, чья роль в издании была поистине неоценимой, — касалось ли дело организационной, научной или издательской стороны. Их имена должны будут теперь появиться на титульном листе в траурных рамках. Нам хотелось бы избежать этого — в первую очередь потому, что это создаст у широких читательских кругов впечатление, что покойные члены редколлегии не успели внести своего вклада в нашу общую работу. Между тем все мы знаем, насколько реальным и весомым был этот вклад. Должен это знать и читатель. Нельзя ли, глубокоуважаемый Михаил Николаевич, исхлопотать разрешение, — быть может, в порядке исключения из общего правила, — заменить траурные рамки на титуле несколькими строками памяти наших ушедших товарищей на

последних страницах издания — или в том месте Энциклопедии, где это будет наиболее уместно? Сколько нам известно, в других изданиях подобного рода практика существует; нам представляется, что в данном случае это было бы уместно и справедливо. Нет необходимости напоминать Вам, что В. В. Жданов, например, прочел Энциклопедию уже в верстке и, завершив свой труд, не успел увидеть только изданной книги.

Мы очень просим Вас взять на себя труд проконсультироваться по этим вопросам в соответствующих инстанциях и войти с ходатайством о положительном решении этой проблемы, которая представляется нам существенно важной.

С искренним уважением

главный редактор «Лермонтовской энциклопедии», доктор филол. наук, профессор [В. А. Мануйлов]

заместитель главного редактора, канд. филол. наук [В. Э. Вацуро]

30 марта 1981

Ленинград

Ходатайство было удовлетворено частично: траурные рамки сняты, а «строки памяти» интерполированы в обращение «К читателю» (Лермонтовская энциклопедия. С. 7).

notes

Примечания

1

И завидовать, — как редактора!